

ПТИЦЫ МОЛОДОСТИ

ДИАЛОГ С ЮБИЛЯРОМ

Мы бродили с Евгением Ивановичем Власовым по театру, отыскивая уголок, где можно было бы поговорить без помех. Забрели на балкон, пристроились в креслах. В зале пусто, а на сцене «куют что-то железное» — начали монтировать оформление для нового спектакля.

Мой взгляд невольно прикован к сцене. Сцена... Я вдруг как-то по-новому, остро ощутила, чем был долгие 30 лет для Евгения Ивановича Власова этот куточек пространства. Отчетливо представила: 19 декабря на эту сцену выйдет юбиляр, заслуженный артист ЭССР Евгений Иванович Власов в роли Павела Русу. И у него будет в спектакле «Птицы нашей молодости» И. Друцэ сцена с тетушкой Руцей, сцена, философский стержень которой — разговор о птицах молодости...

Вероятно, это и определило начало нашего диалога.

— Ну вот, Евгений Иванович, пришел и ваш черед праздновать 50-летие. Вы не обидитесь, если я признаю, что вижу какую-то символичку в том, что вы выбрали для своего юбилея спектакль «Птицы нашей молодости» И. Друцэ?

— На что я должен обидеться?

— Быть может, все же бес тактно напоминать человеку, что птицы молодости... улетают...

— Так они ведь в самом деле улетают. Иначе не бывает. Вспомните: я даже в молодости не играл мальчишек. Мне как-то сразу это было не дано. Еще в училище мы с Олегом Стриженовым показывали нашему педагогу Иосифу Моисеевичу Толчанову отрывок из «Старых друзей». После разбора отрывка он вскользь заметил: «Стриженов, наверное, еще будет играть школьников, а вам, Евгений Иванович, их играть не придется». Прогноз этот оказался точным. Только много лет спустя я сомкнулся на сцене со «своим возрастом». Долго мои герои были старше меня. Так что я от возрастных комплексов надежно застрахован. Хотите поговорить о «птицах молодости»? Я согласен.

— Хочу. Только боюсь, что этот разговор не очень «юбилейный».

— Давайте отбросим условности. Разговор будет о творчестве? Стало быть, юбилейный. Юбилей — это не просто дата, которую поло-

жено отмечать. Это еще и осмысление своей актерской судьбы.

— Я тоже в этом убеждена. Поэтому давайте об актерской судьбе. Сейчас как-то не принято говорить об амплуа. Слово это изъято из обихода. Но слово изъяти, а понятие, по моему, осталось. Так вот, ваше амплуа определилось очень четко: социальный герой. Это благодарная жила. Ее разработка принесла вам немало славных побед. Спектакль «Беспокойная старость» Л. Рахманова шел двадцать с лишним лет назад, а я до сих пор помню вашего Бочарова. И Рыбакова в «Кремлевских курантах» Н. Погодина, и Сергея в «Иркутской истории» А. Арбузова, и Платона в «Океане» А. Штейна, и Индрена в «Любви и жизни» А. Таммсааре... А уж более поздние роли — тем более.

— Мне трудно судить, какие из моих работ больше запомнились зрителям и почему. Знаю только, над какими интереснее работалось. Об этом коротко не расскажешь. Проходишь длинный-длинный путь от знакомства с героем до прощания с ним. А на этом пути — целый мир, вмещающий очень много: становление не только творческое, но и человеческое, чувство высокой ответственности, радость вторжения в жизнь, в ее сложные проблемы... Нет, объяснить все это сложно. Вот, например, мне досталось несколько ролей в эстонских пьесах, классических и современных. Я очень волновался, выходя на сцену: удалось ли создать правдивый национальный характер, поверит ли в него эстонский зритель?

— Насколько я помню, вы всякий раз с честью решали эту сложную задачу. Словом, ролей было много, и самых разных. А все-таки была в них некая общность: ваши герои почти всегда были людьми чистой души, ясной цели, благородных порывов. Им дано было познать, постигнуть, преодолеть. Но было несколько ролей, напроочь выпадающих из «власовского амплуа». В связи с этим мне хочется задать вам еще один вопрос.

Полной неожиданностью для зрителей стал ваш Тамаз Чабукяни в «Голубой рапсодии» Н. Погодина. Это была хорошая работа — сочные краски, затейливая лепка восточного характера. Через несколько лет — Максим в «Традиционном сборе» В. Розова. Человек, растерявший себя на дорогах жизни, несостоявшийся, опустившийся. Вам удалось показать не только то, каким Максим стал, но и то, каким МОЖЕТ СТАТЬ. Наконец, Городничий в «Ревизоре» Н. Гоголя — труднейшая острохарактерная роль.

Как вам работалось в этих трех спектаклях? Было ли ощущение мучительного преодоления непривычного материала?

— В том-то и дело, что никакого «мучительного прео-

доления» не было. Работалось (как всегда) трудно, но зато интересно. Неожиданно для себя обнаружил, что в характерных ролях у меня проявляется темперамент более живой, чем собственное «я» в предлагаемых обстоятельствах. Но... Вы сами начали разговор с моего актерского «амплуа». Оно сложилось так, как сложилось.

— Время подведения итогов пока не подошло. Впереди еще разные роли. И какими они могут быть — никто не знает. А о каких мечтаете?

— Для меня в творчестве есть, было и будет главным: говорить со сцены важное, нужное людям, будить в них мысль, отвечать на вопросы, волнующие моих современников. По-прежнему хочется выступать перед зрителями в концертах с поэтическими программами, не уходить от активного участия в общественной жизни.

— Ну что ж, тогда, как говорится, ни пуха, ни пера! В наступившем году хочется пожелать вам исполнения желаний.

— Спасибо. А можно мне сказать свое «юбилейное слово»?

— Пожалуйста.

— Когда я, окончив Щукинское училище, ехал в Таллин с направлением в Государственный русский драматический театр ЭССР, я сказал себе: еду туда навсегда. И остался верен этому слову. Если хотите, верен птицам своей молодости. Я люблю свой театр, я благодарен его коллективу. И, само собой разумеется, зрителям, вниманием которых жив каждый артист.

С. СТАВИЦКАЯ.

На снимке: Е. Власов.
Фото Ф. Ключника.

1918 ДЕК 1978

Г. ТАДМИН

СОВЕТСКИЙ ЭСТОНИЯ